

Владимир Романовский
Шустрый

очень русская повесть

Владимир Романовский

Шустрый

«Издательские решения»

Романовский В. Д.

Шустрый / В. Д. Романовский — «Издательские решения»,

Эта повесть о любви, игорных домах, войне и погоне создана в соответствии с совершенно новыми, изобретенными самим автором именно для этой повести законами литературного рассказа.

Содержание

1. По санному следу	6
2. И отписывали мелом	9
3. Красивый столяр	13
4. Художества	15
5. Женщины	16
6. Свинина по-самсотосски	19
7. О браке	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шустрый очень русская повесть

Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

© Тициан Вечеллио, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Все слова в повести понятны из контекста. Но ежели возникнет заминка, автор просит читателя обратиться к Справке на последней странице, там все объяснено.

Copyright © by Author

1. По санному следу

Велика земля, амичи, внушительна и мёрзла, колючими стволами утыкана, звездами холодными и луной равнодушной тускло освещена, а ветер, амичи – просто сил никаких нет, будто одного мороза мало, нужен еще и ветер обжигающий, не подчиняющийся логике, вольный в выборе средств, как палач во время пытки – невозможно предугадать, откуда подует, где проберет.

И бродят вокруг звери злые, зимние, изголодавшиеся. Костра опасаются звери, но костер опасен также и невольному путнику: тем, что, согревшись и переполнившись оптимизмом, может путник задремать возле него, сомкнуть усталые очи свои, привалиться набок, подумать – ну, всего несколько минут полежу вот так, с закрытыми глазами, уж больно хорошо – только этого и ждут звери, как чувствуют, подлые. Со зверями договориться еще труднее, чем с людьми, то есть вообще нельзя, не слушают.

А бывает так, что костер почти догорел, а новые сучья таскать сил нет, просто нет никаких сил, а рассвет все не наступает, и кругом глаза горящие, жадные: блядский бордель, не поймешь, то ли они действительно там, то ли мерещатся тебе, и ни огнестрела, ни ножа, ни даже дубины с тобою нет. Как глупо, амичи, пройти полмира, участвовать в исторических событиях, решать дальнейшую судьбу этой, не побоимся слова, цивилизации – и вот так вот, одному, беспомощному, стонущему, продрогшему до сверлящей боли в суставах, до звона в ушах и в мозгу, быть разодранным тупыми тварями, не осознающими всего, не побоимся слова, величия произошедшего и продолжающего происходить.

Но чудеса, бывает, случаются не спросясь и не предупредив. Не загрызли Шустрого бескомпромиссные волки, не задрал очнувшийся вдруг от спячки раздражительный медведь, не навалились на теплое еще тело никогда не водившиеся в этих краях гиены, жив Шустрый, жив!

Тусклому рассвету Шустрый не обрадовался, просто отметил про себя, без эмоций, что вроде бы светлеет, этуали в небе одна за одной исчезают, сереет пространство вокруг, виден объем стволов и веток. Эмоции были целиком заняты холодом обволакивающим, болью омерзительной в ребрах, в бедре, в боку и в плече, желанием жить, и усталостью. Боль в ногах почти не чувствовалась – поморожены небось. Сапоги – нет, сапогами назвать нельзя, что-то невиданное, абсурдное, почти совсем бесполезное. Сук в руке, обернутой тряпкой, все тяжелее, но бросить нельзя. Упадешь, не встанешь, уснешь, сдохнешь, а жить надо.

Бор кончился, открылось огромное серое в бледно-рассветном освещении пространство. На пространстве этом Шустрый заприметил что-то похожее на санный след и пошел к нему, не отводя глаз, опасаясь, что если отведет, то след исчезнет, сделает вид, что померещился.

Две параллельных линии – значит, где-то есть люди, будем надеяться, что совсем близко. Создатель симметрию недолюбливает, прямые линии не в его стиле, тем более параллельные. Как бы говорит Создатель человеку – ежели заприметишь где что-то похожее на симметрию, значит, свои рядом, туда и иди, горемыка, и в будущем постарайся один не оставаться, человеку нужно общение, без общения пропадешь.

Постанывая в голос, Шустрый добрался, несколько раз падая в снег и поднимаясь тяжело, до санного следа.

Стало ещё светлее, и обнаружилась равнина с лесом вдалеке слева, а чуть дальше по ходу – пологий спуск. Замерзшая река. Санный след некоторое время шел вдоль реки, а потом свернул вниз, и продолжился по заледеневшей и покрытой снегом поверхности. Шустрый остановился, выпростал свободную руку, и поправил ею тряпки, закрывавшие голову и шею. Обнажившееся запястье обожгло безжалостным морозом.

Вскоре, спустя всего две или три вечности, санный след перешел к противоположному берегу реки, и начался подъем.

Дался он Шустрому с огромным трудом. Но дальше, за подъемом, показались вдалеке хибарки, и над некоторыми из них поднимался дым – в хибарках топились печи, возможно в них завтракали неспешно по причине зимы – зимой работы почти нет в этой местности – люди. Шустрый поковылял к хибаркам по санному следу.

Через некоторое время ему навстречу рысью направилась лошадь, тянущая за собой сани с ездоком, укутанным до глаз в добротное и теплое, по крайней мере по сравнению с тем, что было на Шустром. Ездок крикнул что-то на местном наречии, которое Шустрый не понимал, но в крике звучало недовольство, и Шустрый благоразумно решил, что надо убраться с дороги. Он сошел с санного следа в сторону, и тут же потерял равновесие и упал на снег. Сани проехали мимо, и ездок что-то такое сказал, злое, на прощание. Шустрый поднялся, припал на колено, снова поднялся, и вернулся на твердую поверхность.

Еще через несколько вечностей он прибыл к хибаркам. Одна из них стояла отдельно, на отшибе. Возможно, хозяин ее был индивидуалист и не любил тесное соседство. Может, он был астроном, предпочитающий рассматривать и корректировать карту звездного неба в полнейшей тишине, или композитор, не любивший, когда мелодии, возникающие в его музыкальной голове, перебиваются суетными разговорами, дурацкими выкриками и жалобами. Шустрый добрался до крыльца, встал, мыча, на кривую ступеньку, и постучал верхним концом сука, на который опирался, в дверь, чуть при этом не завалившись на спину.

За дверью раздались шаги. Грохнул засов, дверь приоткрылась, на пороге возник бело-брысый мове-гарсон лет пятнадцати в длинной и очень грязной холщовой рубаше. Из приоткрытой двери повеяло на Шустрого спасительным теплом и запахло горячей едой. Но Шустрый заставил себя не завораживаться едой и теплом. Нужно было что-то говорить – это было главное. Люди, нуждающиеся в помощи, должны говорить – иначе им не помогут, сделают вид, что не понимают, что нужно путнику помороженному, обернутому в тряпье непонятного цвета, еле стоящему на ногах. Может, он натуралист, и его интересуют названия местной флоры, или же, к примеру, он меломан и хочет осведомиться, где здесь ближайший оперный театр, а они не знают ни того, ни другого, извини, парень, не можем тебе помочь.

Он собрался с мыслями. Что сказать мове-гарсону, о чем попросить? Ну, понятное дело – тепла, еды – но как обратиться, как назвать собеседника?

«Сударь» – слишком официально, «господин мой» – глупо. Тем более, что наречия, на котором Шустрый изъясняется, здесь не понимают, а он не понимает их наречия. Ужасно неудобно это. Нужно сказать что-то очень простое, и в то же время вежливое, и переполненное дружелюбием, показывающее, что вот он, Шустрый – абсолютно безопасен, жалок, слаб, и от милости открывшего дверь зависит целиком – так вот не будет ли открывший так добр, не окажет ли благоволение самое малое? «Приятель» – нет, слишком фамильярно.

Шустрый вытащил из-под тряпок свободную руку, протянул вперед в вежливом, слегка заискивающем, жесте, и сказал:

– Дорогой друг...

Малый отвернулся. Шустрый стал ему неинтересен. За малым возникла мрачная фемина средних лет, с ненавистью посмотрела на Шустрого, и что-то бросила по его адресу, какие-то злые слова, судя по тону – что-то вроде «Убирайся отсюда, говно».

Это было, наверное, справедливо. Справедливость – она такая, встречается там, где ее меньше всего ждешь, и где от нее меньше всего толку. Наверное у женщины этой погиб в баталии муж, и в Шустром она видела врага, принимавшего участие в отнятии у нее мужа. Шустрый продолжал стоять перед ними, матерью и сыном, пытаясь улыбаться – получалось плохо, щеки не двигались, губы не растягивались, одеревенели.

Тут вдруг за спиною фемины возник здоровяк набыченный, средних лет. Отодвинув фемину, он сделал жест рукой и сказал несколько слов злым тоном. Смысл был понятен – «А ну, пошел отсюда». Или что-то вроде этого.

Дверь захлопнули и заперли.

Шустрый немного постоял, собираясь с силами, а затем осторожно спустился с крыльца, качнулся, восстановил равновесие, и направился к группе хибарок, скучившихся в ста шагах от той, куда его не пустили. Мимо проехали еще одни сани с закутанным седоком. Куда это они все едут, подумал Шустрый. И решил, что они едут браконьерствовать. Что ж, занятие почтенное в некоторых весях. Сам Шустрый никогда не браконьерствовал, но с браконьерами многими был знаком и их не осуждал. Воры – иное дело. Воровать у простых людей – зазорно, у них и так всего мало. А дичь пострелять или дерево-другое срубить для домашних нужд – не обеднеет владелец! Скорее всего просто не заметит. Да и вообще – почему большинство владельцев земель и лесов таковыми рождаются, и забот не знают, не жнут, не сеют, а остальные перебиваются кто чем?

На полпути к группе хибарок Шустрый почувствовал, что у него вдруг неожиданно прибавилось сил. И даже эмоции, помимо самых насущных, возникли. Вот и день хороший, подумал он, солнечный, и дымок из трубы самой близкой хибарки с соломенной крышей очень пригласительно выпрастывается, уютно, и вообще на свете хорошо жить, когда что-то умеешь, и люди кругом, и ты среди людей, и тепло, и сытно. Он даже замычал было песенку, но подул вдруг опять ветер, и пробрал, и обжег. Он приблизился к двери хибарки и стукнул в нее верхним концом сука дважды. И стал ждать. Потом стукнул еще раз. Дверь открылась. За дверью стояла молодая женщина, некрасивая, с ногами враскаряку, в длинной грязной холщовой рубахе, с нечесаными распущенными волосами, заспанная. Шустрый выпростал свободную руку из-под тряпок, протянул вежливо вперед, и потерял сознание.

2. И отписывали мелом

Игорный дом с красивым фасадом помещался на углу дурно мощеной улицы и состоял из трех этажей. На втором, игровом, пахло пылью, подсохшим потом, и едким трубочным дымом. Вокруг пяти столов толпились офицеры в мундирах, невоенные дворяне во фраках, и сыновья самых богатых купцов, тоже во фраках, чьим отцам недавно, за помощь в снабжении обозов, обещали титулы и прочие блага.

Сынок отсчитывал в уме штоссы, выжидая, когда валет ляжет по левую руку Банкомета во второй раз. Валет лег, и Сынок придвинулся ближе, ожидая теперь окончания штосса. Когда штосс закончился, Сынок подошел вплотную к столу и, разыгрывая смущение, сказал:

– Позвольте, господа...

Все повернулись к нему, и пришлось сделать вид, что он смущен еще более. Игроки рассматривали его будто в первый раз – молодого офицера с каштановыми волосами и мягкими усиками, стройного, среднего роста, с лицом простодушным. Заулыбались.

– А сколько? – спросил толстый Банкомет, поправляя роскошные ухоженные тыловые усы и подняв глаза на Сынка.

– Пятьдесят тысяч.

Сделалось замешательство.

– Простите, сударь, – сказал банкомет. – Вы не оговорились?

– Я не оговорился.

Вокруг притихли.

– Это чрезвычайный случай, – вежливо сказал Банкомет. – Боюсь у меня нет с собою столько.

– Одолжитесь у друзей, – посоветовал простодушный Сынок.

Некоторое время Банкомет смотрел в глаза Сынку, что-то прикидывая. Сынок слегка улыбнулся.

– Хорошо, – сказал Банкомет. – Господа, будьте любезны.

Несколько дворян и офицеров, а также один сын богатого купца, заинтересованные развитием событий, стали вытаскивать бумажники. Искомая сумма набралась быстро. В виду чрезвычайности случая принесены были две запечатанные колоды. Сынок вскрыл свою, Банкомет свою. Банкомет стасовал колоду и предложил Сынку снять, Тот снял, после чего сразу выхватил из своей колоды валаета червей, и положил на стол, лицевой стороной вниз. Затем неспеша вынул бумажник, и поверх карты поместил пачку ассигнаций.

– Сколько здесь? – спросил Банкомет, хмурясь. Пачка показалась ему недостаточно увесистой.

– Пять тысяч. А вот остальные сорок пять.

Поверх ассигнаций лег вексель. Банкомет потянулся было за векселем, но тут же убрал руку – неприлично.

– Как ваша фамилия, сударь? – спросил он.

Сынок назвал фамилию. Вокруг обменялись взглядами.

– Сын того самого генерала? – спросил Банкомет, впечатленный фамилией.

– Племянник.

Банкомет кивнул.

Фамилия известная. Тянуть дальше было неприлично. Он взял в руку колоду и начал метать. Лицо Сынка не выражало ровно ничего, кроме ранее всеми отмеченного простодушия. Зрители с возрастающим интересом следили за игрой.

Налево, в нечет, и направо, в чет, падали пятерки, семерки, короли, и все это не имело значения. Но наконец из колоды выскочил валет – в нечет. Сынок был к этому готов, ничего

другого он и не ожидал. Банкомет, стараясь не улыбаться, переместил к себе деньги и вексель. Тут же на стол лег следующий вексель – на сто тысяч.

– Угодно? – спросил Сынок, и позволил себе улыбнуться.

Банкомет чуть помедлил, а на лицах дворян и офицеров выразилось восхищение. Сынок продолжал стоять в непринужденной позе, положив руку на эфес кавалерийской сабли.

«Он сумасшедший», подумал Банкомет. И сказал спокойно:

– Разумеется, сударь.

В этот раз валет Сынка не заставил себя ждать – лег в нечет пятой картой из новой колоды. Выражение лица Сынка не изменилось – все то же простодушие.

– Когда вам будет угодно рассчитаться? – спросил Банкомет.

– Завтра утром, – спокойно ответил Сынок. – Если вас не затруднит...

– Нисколько, – заверил его Банкомет, протягивая визитку.

– Одна лишь заминка есть, заранее прошу прощения, – уточнил Сынок. – Дело в том, что с тех пор, как я вернулся с позиций, я много сплю и поздно встаю. На позициях не поспишь. Теперь вот роскошествую. Иногда даже до одиннадцати часов сплю. Поэтому «завтра утром» в данном случае означает – ближе к полудню. Вы не против?

– Зачем же, – почти возмутился Банкомет. – Чтобы я мешал сну защитника отечества? Спите сколько вам угодно, сударь. Хоть до вечера. Если вы зайдете, а меня не будет дома, передайте деньги моему дворецкому, я ему доверяю.

– Благодарю вас, – ответил Сынок. – Честь имею.

Он коротко по-военному поклонился и вышел из залы, сопровождаемый восхищенными взглядами.

Так не бывает, подумал он. Чтобы одна и та же карта проигрывала четыре раза подряд – такого не может быть, это противоречит логике. Он еще раз позволил себе так подумать, после чего, выйдя на улицу, успокоился и собрался с мыслями.

Денег в столице у него не было больше никаких, кроме нескольких ассигнаций в кармане на мелкие расходы. Вне столицы тоже не было. У дяди-генерала были прямые наследники, коим с племянником делиться было не с руки. Было имение, принадлежавшее ранее погибшему на войне отцу, а теперь матери Сынка, и ему, Сынку, тоже. Имение следовало заложить или продать.

Но до имения нужно сперва доехать.

Можно имение сбыть, никуда не уезжая – какому-нибудь столичному, но и это заняло бы время, следовало бы списаться с матерью и ее управляющим.

Также, можно было, наверное, застрелиться, но очень не хотелось.

Не отдать карточный долг – дело немыслимое.

Следовало идти – к знакомому Иудею, либо к Азиату. Сынок выбрал Иудея.

Час стоял поздний, и ему пришлось долго стучаться, прежде чем экономка открыла дверь. Сам ростовщик жил на втором этаже. Пришлось подождать в лавке. Иудей, пожилой полный мужчина с нависающими кустистыми бровями, спустился вниз в скором времени, одетый небрежно, заспанный, недовольный. И сказал сухо:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, наиподлейший.

Иудей усмехнулся. Наиподлейшим его как-то называл заезжий поэт-южанин, и все картежники столицы, с которыми ему приходилось иметь дело, об этом каким-то образом прознали и всякий раз пользовались случаем подразнить ростовщика – что по каким-то особым, личным причинам, доставляло ему удовольствие.

– Чем могу служить?

– Нужны деньги.

– Сколько?

– Сто пятьдесят тысяч.

Наиподлейший решил, что ослышался.

Обращались к нему часто, долги и проценты платили почти всегда, потеря нескольких сотен время от времени его не смущала. Опытный, он определял платежеспособность любого клиента, обменявшись с ним несколькими словами, и ошибался очень редко. При этом был он человек благосклонный, и даже добрый, и известны были случаи, когда он просто отказывал просителю, дабы предупредить будущие неприятности – именно ради блага самого же просителя. Также он однажды, оставив просителя в лавке, отправился к кредитору сам, и заплатил долг целиком, а вернувшись, прочел просителю длинную лекцию о том, что ежели у человека вся жизнь впереди, а кругом много возможностей, то и не следует эти возможности хоронить, поддавшись сиюминутной страсти. Словом, был он убежден, что честность, доброта, и даже известная степень щедрости, в коммерции могут быть выгодны, если быть достаточно твердым.

Но – сто пятьдесят тысяч?! Одна пятая этой суммы считалась во время оно вполне личным состоянием. Удачно вложив такую сумму в недвижимость, в лес, или в прииски, можно было рассчитывать на безбедную жизнь.

– Простите ... сколько?

Сынок повторил.

– Когда?

– Сейчас.

Иудей что-то прикинул в уме, помялся, вытер толстым запястьем лысый лоб, и сказал:

– У меня столько не найдется. Если вы готовы подождать неделю или две...

– Не могу, – возразил Сынок. – А у кого есть?

Иудей с сомнением смотрел куда-то мимо Сынка.

– У кого ... у кого. Интересные вы вопросы делаете, сударь.

– У Азиата?

– Нет, что вы, у него и трети такой суммы зараз не наберется. Почему бы вам не подождать?

– Ну я ведь сказал уже, что не могу.

– Ну, хорошо, только из уважения к вам, сударь ... Есть у азиата знакомый, темная личность. У него, возможно, вы получите искомую сумму. Но имейте в виду, он человек опасный. И проценты возьмет очень большие.

– Мне все равно.

– Живет он...

Получив адрес опасной личности, Сынок тут же туда отправился. Личность оказалась действительно неприятная, жила на отшибе, вид имела свирепый, показывала в лицемерной улыбке гнилые зубы, а происхождения была совершенно неизвестного. Написав вексель, Сынок спрятал ассигнации в портмоне и собрался было уже идти, но личность его остановила.

– Не спеши, бегун, – сказала личность. – Вижу, что находишься ты в затруднении. Я мог бы тебе помочь.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне на вы, – попросил Сынок.

– Горячий ты парень, – заметила личность.

– Настоятельно прошу.

– А если нет, то что же ты сделаешь?

– Отбивную сделаю, – ответил Сынок. – Из вас, почтенный. Пожалуйста, не испытывайте мое терпение.

– Я вас проверял! – заявила личность. – Вижу, что вы человек решительный и смелый. Именно поэтому я и хотел бы вам помочь.

– Спасибо, я не нуждаюсь в помощи.

– Как знать! Я предлагаю вам коммерческую сделку. В этом нет ничего зазорного, ровно ничего такого, что могло бы оскорбить ваше достоинство. Вы сможете расплатиться со мною в течении нескольких месяцев, и даже получить немалую прибыль сверх этого. Позвольте продолжить?

Сынку было жалко имения. Да и с мутер придется объясняться, а она такая прямолинейная, такая в высшей степени наивная дама!

– Продолжайте.

– Вы из хорошей семьи, и в данный момент у вас с матушкой вашей есть имение, заложив или продав которое, вы планируете расплатиться по векселю. Я правильно вас понял?

Сынок хотел было возразить, что это нее ее, темной личности, свинячье дело, как именно он будет платить по векселю, но решил послушать, что еще скажет личность.

– Закладывать ничего не надо. Имение свое вы и сохраните, и преумножите. Нужно всего лишь ... всего лишь...

От темной личности Сынок вышел в задумчивости необыкновенной.

На позициях было проще.

Возмущенные поведением потерпевшего сокрушительное поражение и позором покрытого тирана, страны составились в коалицию, назначили коалиции номер, и начали кампанию по свержению. Пехотинцы и конники при поддержке артиллерии теснили безоговорочно раздробленные, деморализованные, плохо обученные, наспех набранные резервные силы тирана, продвигаясь вглубь его тиранических владений, осаждая и захватывая город за городом. Приготовились дать решительный бой подле городка с некрасивым названием, составили план, утром пошли в атаку. Неожиданно для всех тиран нанес контрудар, повергший всех в шок, и сам перешел в наступление. Пронумерованная коалиция бросилась врассыпную, несколько дней отступала, но вскоре снова собралась с силами – и так далее. У Сынка погибли отец и дядя, самого его ранило. Провалившись в госпитале месяц, Сынок заскучал, военные действия не представляли более для него никакого интереса, и командование по просьбе одного из высокопоставленных знакомых отправило его в заслуженную отставку с двумя орденами. Всё понятно, никаких недоговорок нет.

А здесь, в мирной столице, все было туманно, неопределенно, и никакие последствия никаких действий нельзя было предсказать точно – все время оставались какие-то неувязки, требующие внимания, и полная неизвестность впереди. Проиграл имение – казалось бы, мешок за плечо, посох в руку, и иди себе по миру, и распорядок дня планируй соответственно. Но нет, имение можно спасти. Хорошо! Спасти? Спасём, раз есть такая возможность. Да, возможность есть, но нужно совершить несколько поступков, кои дворянину не к лицу, что бы не болтала по этому поводу темная личность. И нужно будет поступки эти в будущем скрывать. Это раз. А два – будет ли от поступков этих неблагоприятных толк – еще неизвестно. Вот и решай, что делать – посох или поступки? Поступки или посох?

3. Красивый столяр

Прибежал Пацан с корзинкой – принес Шустрому поесть. Шустрый очень нравился Пацану, возможно даже больше, чем Полянке, его, Пацана, матери. Когда в начале своего пребывания в поселении Шустрый стал понемногу приходить в себя, Пацан тут же взял себе в привычку возле него виться, и Шустрый был ему благодарен за это, а Пацан – Шустрому. До этого никто не уделял Пацану столько внимания, все были заняты – работой или разговором – а Шустрый, болеющий и слабый, ничем занят не был. Научил Пацана играть в кости, которые сам вырезал из деревянного бруска кухонным ножом. Все время с ним говорил на своем наречии, и Пацан, жадный до внимания, глотал слова, запоминал, старался говорить на наречии сам, и неплохо в этом преуспел. Он также пытался научить Шустрого наречию местных. Что-то Шустрый усваивал, но медленно и плохо.

В корзинке помещалось обычное – гречка, засоленная овощная дрянь, краюха хлеба. Раз в неделю бывала говядина, реже курятина. Как все южане, Шустрый испытывал страсть к вину, но как раз вина в хозяйстве не находилось. Вино было в барском доме, и Пацан сообщил Шустрому, что мог бы ради него украсть несколько бутылок из погреба, но Шустрый возмутился и объяснил, что красть нехорошо. А брага, которую иногда здесь пили, была отвратительна на вкус, да и голова от нее болела страшно после потребления.

Местные относились к подопечному Полянки (такое прозвище было у матери Пацана) насмешливо, но с пониманием. Мужа Полянки, отца Пацана, человека тяжелого нрава, имевшего привычку колотить жену и сына каждый второй день без особых причин, проезжие офицеры забрали с собой на позиции, да так и не вернули. И вот объявился Шустрый, и она его выходила да и приголубила – кто осудит безутешную вдову? Осуждали, конечно, но без особой злобы, слегка.

А когда оклемавшийся басурман представлен был Старосте и приглашен в дом на отшибе, тот самый, что повстречался ему первым по приходу в селение, то и вовсе осуждать перестали: с помощью жестов Шустрый объяснил Старосте, что следует дому и крышу чинить, а не соломой латать, и стены утеплять, и новую дверь ставить, и совершенно обязательно ждать лета, и все это он, Шустрый, умеет делать, и сделает. Старосте стало любопытно, и вскоре по селению пошел слух, что Шустрый – замечательный плотник, вернее даже не плотник, а самый настоящий столяр. Сбегались смотреть, как он работает. Обсуждали, дивились. Местный плотник был тоже хорош, но он до сих пор не вернулся с позиций, и никто не знал, вернется ли. Писем плотник не писал – грамоты не знал, и нужды особой, скорее всего, в барской этой забаве не находил.

В дом, где жила Полянка, давно уж, сразу по отбытию мужа на позиции, подселилась ее, Полянкина, кузина с хромым мужем и шумными вороватыми детьми, и Шустрый переезжать к ним не пожелал, остался в гранеро, в котором Полянка его выхаживала. Гранеро он починил, обустроил, надстроил и расширил, и по его просьбе в обмен на столярные работы печник сложил ему печь с дымоходом и красивой трубой. Хотел сложить без трубы, ради экономии дров, но Шустрый настоял, чтобы была труба, потому что топить по-черному – глупо, амичи, так и задохнуться недолго. «Как у всех»? Мало ли что. Нет уж, без трубы не согласен.

Иногда бывшие раны давали о себе знать, и Шустрый заваливался в своем перестроенном гранеро безвыходно на день-два – поспать, отдохнуть, набраться сил.

Вечерами приходила к нему Полянка, некрасивая толстая молодая женщина, мать Пацана, впустившая его, погибающего, погреться и поесть. В первую же ночь сняла она у него с шеи медальон с вражеским гербом и куда-то спрятала. Несколько дней спустя он потребовал медальон вернуть, и она послушно вернула.

Во всякой женщине есть что-то хорошее, это точно. Шустрый лежал на спине, а Полянка копошилась над ним, по-хозяйски усаживаясь, надеваясь на детородный орган, и некоторое время спустя с лица ее уходило хмурое выражение, лицо расслаблялось и начинало сиять, и становилось почти прекрасным – Шустрому нравилось, и он с увлечением ласкал крупные груди Полянки с крупными же ареолами, трогал напряженные соски, гладил и мял ей обнаженную жопу, обхватывал за талию, и вскоре Полянка забеременела.

Нотия об этом дошла до самой Барыни. Полянку выпороли, потом еще раз выпороли, чтобы не огрызалась, и посадили на один день в армарию.

Крестить басурмана в правильную веру да и женить его на Полянке – дело вроде бы нехитрое, но сперва воспротивился Поп, враждебно к пришелице настроенный, а потом Барыня вспомнила, что брак вольного басурмана с крепостной Полянкой не к ее выгоде. Женить-то их нужно, но не сразу, и подумавши, и соблюдая предосторожности.

Зима кончилась, начались работы и заботы, басурман проявлял себя с хорошей стороны, и столярничал в барском доме – Барыня кивала одобрительно, глядя на результаты работы – обновленные карнизы, стол для кухни, затем и для столовой, порожки, шкафчики – все умел Шустрый! С Барыней басурман объяснялся жестами и теми несколькими словами местного наречия, которые запомнил. Симпатичный парень, по-своему почтительный. Дело выгодное – вольный плотник работает задарма. Крышу и еду получает, об оплате не спрашивает.

Но долго это продолжаться не могло, так не бывает. Всем хочется основательности, определенности какой-нибудь. Так думал Шустрый, и также думала Барыня, стоя перед зеркалом в неглиже и обрызгивая женственные свои запястья парфюмом, доставленным ей с оказией из поверженной, но все еще не побежденной, империи, тирану и захватчику подвластной. Всякий раз во времена перемирий и обходных маневров, когда армия тирана посылала переговорщика в стан пронумерованной коалиции, в портмоне у него лежало несколько любовно упакованных пузырьков, которые затем передавались через старших офицеров курьерам, отвозившим пузырьки в соответствующие страны коалиции. Самый дорогой способ доставки, поскольку самый быстрый. Иные способы включали обход военных действий по дуге и занимали гораздо больше времени.

4. Художества

Как раз в это время в усадьбу заглянули выехавшие «в народ» представители столичной артистической богемы – Художник и Поэт. Такое в столице сделалось поветрие – выезды на природу для более близкого знакомства с народом, который так удачно ассистировал государю в общем деле выгона зарвавшегося разгромленного тирана с исконных территорий. Оба визитера вдохновлялись деревенским пейзажем и видом народа обоих полов. Художник рисовал красками на холсте понравившихся ему представителей сельской жизни, а Поэт все это описывал в торжественных стихах.

Барыня приезду богемы очень обрадовалась, поставила всю прислугу на уши, кормили деятелей искусства до отвала, стелили мягко. По вечерам Художник играл на стареньком клavicорде в гостиной, а Поэт танцевал с Барыней менуэты и польки. Если верить злой на язык прислуге, Барыня несколько раз охотно, со сладострастными стонами переспала с Поэтом, а Художник перелопатил огромное количество крестьянок – в бане, под кустом, на сеновале, в гранеро, в барском доме, на поляне в лесу.

Помимо крестьянок, ему понравилась также горничная Барыни по прозвищу Мышка. Художник заявил, что у нее лицо – точь-в-точь как у Святой Елизаветы, и сделал с нее в этой связи несколько эскизов, и пообещал один оставить ей (и не оставил). Во время сеансов научил он Мышку некоторым басурманским словам, похожим на те, что употреблял в объяснениях с местным людом Шустрый.

Как-то утром слегка похмельный Художник заглянул во двор к Шустрому и некоторое время, морщась, смотрел, как тот строгаёт, а потом заявил, что в нем, Шустром, что-то есть от древнеримского воина, и что это необходимо запечатлеть. Шустрый знаком показал, что не понимает. Тогда художник выразил тоже самое на наречии Шустрого. Тот не удивился – наречие его имело популярность во многих странах – пожал плечами и сказал, что шутка глупая. Художник возразил, сказал, что вовсе не шутит. Шустрый еще раз пожал плечами. Художник раззадорился, убежал, и вскоре вернулся, волоча мольберт, холст и краски. Скипидар он забыл, и пришлось одалживать у Шустрого.

Все остальные четыре дня он торчал у Шустрого, малюя портрет – в блестящих на солнце латах, с мечом (несколько раз он попросил Шустрого попозировать всерьез, и, стоя в гордой позе, Шустрый вместо меча держал в руке пилу. Сходились смотреть, но художник работал медленно, и проходил час-другой, а на холсте ничего нового вроде бы не появлялось, и все уходило разочарованные. Зато на следующее утро на том же холсте обнаруживалось много новых деталей, и все опять удивлялись и смотрели. Пару раз зашла и сама Барыня, тактично молчала, с восхищением следила за работой Художника.

Пацана Художник время от времени гонял – то за водой, то за съестным на барскую кухню. В ночь перед отъездом богема как-то особенно разгулялась и разбуянилась, так что даже Барыня побоялась принимать активное участие в веселье – Художник и Поэт плясали в обнимку на лугу, пили горячительные напитки не утруждаясь разливом их в стаканы, играли в прятки-обнималки с девками и бабами, прыгали через костры и заставляли прыгать других, стреляли из охотничьих мушкетов по бутылкам и горшкам, набили морду Старосте и подожгли его гранеро, который к счастью удалось быстро потушить, ушли в лес и там заблудились и уснули, пришли обратно утром, собрались и уехали на телеге в губернский город, оставив после себя недоумение и – в случае Барыни – ностальгическую грусть по веселым дням далекой беззаботной юности.

5. Женщины

Самой красивой бабой в селе была, безусловно, Ивушка, жена крепкого, зажиточного мужика по прозвищу Грибник. Замуж за него Ивушка вышла шестнадцати лет, ничего толком еще не соображая – Грибник посватался, родители согласились с радостью, белесую косу раздвоили. Временами лысый кряжистый Грибник колотил жену – не за провинности какие-нибудь, а впрок. Также, не любил он, когда на супругу его заглядываются посторонние, и чуть что – лез драться, особенно когда выпьет. Заглядываться перестали.

Работала Ивушка не меньше, а пожалуй что и больше других – исполнительная была, да и крепкая, несмотря на худобу – коромысла с полными ведрами таскала не сгибаясь и шаг широкий не замедляя.

Восемь лет как замужем, с тремя детьми, сохранила Ивушка свою красоту. Красота, впрочем, на любителя.

Белокурая, с широко расставленными синими глазами, с точеным носом, большим красивого рисунка ртом – это все хорошо, да. А вот тело ее очень женственным назвать было нельзя. Худая – в столице сказали бы «стройная» – чересчур – и гибкая – тоже чересчур, передвигалась она по поверхности так, будто сделана была из гибких прутьев, скрепленных хитрыми шарнирами. Некоторым нравится, но в сельской местности предпочитают округлых. Шустрый некоторое время к ней приглядывался. Она это заметила, и тут в ней, на двадцать пятом году жизни, проснулась женщина. Она стала следить за собою, прихорашиваться, тщательнее расчесываться, чаще мыться. Как-то однажды пришла она к Шустрому, чтобы тот ей коромысло починил, а коромысло принести забыла. Полянка была на работах, Пацан торчал, скорее всего, на речке. Шустрый стал целовать Ивушку, и постигло его разочарование.

Блондинке положено быть мягкой, гладкой, ласковой, податливой, и говорить томным грудным голосом. Данная блондинка стеснялась, чуралась, отстранялась, возражала стыдливо и пискляво, и несла такую хуйню несусветную, что Шустрый понял: в любовницы она не годится.хлопот будет много, есть такие женщины, которые хлопоты создают из ничего на гладкой поверхности при солнечной погоде, а толку – толку почти никакого. Чего пришла, спрашивается, если теперь отталкиваешь? Кокетничать тоже нужно уметь. Связь, таким образом, закончилась не успев начаться.

А вот приземистая девка с толстыми лодыжками по прозвищу Ака-Бяка понравилась Шустрому как только к нему подошла и задела бедром – после вечерней службы, по пути к дому. Не задень она его – вполне намеренно – он бы на нее и внимания не обратил, мало ли некрасивых девок на свете. В селении ее считали шлюхой, и это было несправедливо: до Шустрого у нее было только два любовника, и при этом один из них – барин из соседней усадьбы. Об этом знали, но все равно считали шлюхой. Впрочем, осуждали ее не сильно, а так, зубоскалили, полагая, что если б не блядство, не бывать девке в объятиях мужских никогда, с такими-то лодыжками, с носом кривым, с ноздрями вечно красноватыми, будто у нее все время насморк, с голосом постоянно простуженным, и с ушами оттопыренными.

А было так:

Молодой соседский барин задержался на охоте, время позднее, холод собачий. Постучался барин в усадьбу. Барыне он сразу понравился. Барин залпом выпил стакан горячительного напитка, и отправили его в баню, дабы предупредить простуду. Тревожить прислугу барыня не захотела, а Ака-Бяка как раз болталась под ногами – замещала заболевшую, лежащую в жару, горничную Мышку, не знавшую еще в то время никаких басурманских слов. Отправили Аку-Бяку баню топить. Натопила, а сама в предбаннике уселась передохнуть. Ноженьки свои внушительные на скамью водрузила, прикорнула, задремала. Пришел молодой барин, помылся, попарился, разбудил Аку-Бяку, попросил ему спину потереть. В свете печи

не очень разглядел, какая она – красотою ли блещет невиданной, или уродина, хоть в лес от нее беги. Стал ласкать и целовать, а ей понравилось, да так понравилось, что стала она от восторга кричать в голос. Барыня, перед распахнутым окном в гостевой спальне, собственноручно готовившая гостю белье и халат, крики Бякины услышала, да и рассердилась. На другой день Аку-Бяку выпороли, конечно же, а через два дня приехал молодой барин в гости. Барыня, наедине с ним оставшись, объяснила ему, что, мол, негоже ему, дворянину, чужих крепостных девок лопатить почем зря. Осознав свою вину, попросив нижайше прощения, барин провел ночь с Барыней, и стал наезжать по два раза в неделю, на Аку-Бяку больше не смотрел, а потом, когда явился на земли государевы басурманский тиран с войском в целях подчинения бывшего союзника, то и ушел молодой барин с тираном воевать, и до сих пор воюет победоносно, славою себя и государя покрывая.

А второй мужчина в жизни Аки-Бяки был мельник, женатый, с пятью детьми. Жена мельника, баба здоровенная, на голову его самого выше, прознала и устроила мужу разнос, как полагается, с метанием утвари в голову. Дошло до Барыни, не любившей чрезмерного разврата, и вызвали участников в барский дом на суд. Позвали Попа. Поп бушевал, обзывал всех страшными библейскими терминами, и уверял, что не допустит и не будет попутствовать. Барыня намеревалась уж Аку-Бяку продать, мельника наказать, но вступилась жена мельника. Стоя посреди горницы, возвышаясь надо всеми, руки на груди скрестивши, сказала она, что вообще не понимает, почему и зачем все так разгорячились.

Ее заверили, что все к ее же выгоде, к чистоте ее семейных уз.

Она спросила, каких еще уз, чего на девку-то несчастную накинудись?

А она у тебя мужа увести хочет!

Жена рассмеялась, а потом заверила всех, что не позволит возводить поклеп на слабых.

Ей напомнили, что Ака-Бяка спала с ее мужем – на мельнице, в бане, на сеновале.

Жена ответила, что ничего этого не знает, и знать не хочет. Что муж у нее – честный работник, оброк платит всегда в срок, с детьми ласков, ее саму никогда ласки не лишает, подарки дарит, цветы полевые собирает в букеты, платье ей новое из города недавно привез. И что ежели у нее муж красивый да видный, то вовсе не значит сие, что его во грехах подозревать следует – а подозревают только из зависти. И что безответных несчастных девок, коих не наградил Господь красотою, нельзя обижать – грех это! И что ежели некоторые высокопоставленные лица, здесь не присутствующие, возжелали вдруг свести с несчастной девкой старые счеты, то вовсе сие не означает, что все должны под ревностную дуду упомянутых высокопоставленных лиц плясать, сиськами потрясая.

Оборотились к мельнику, а тот, вдохновленный жениным примером, сказал, что к мельникам с древних еще времен неприязнь – совершенно незаслуженная. Он, мельник, не колдун, не тать, не сводник, а добрый христианин. Ему заметили, что ходя по незамужним девкам, он обижает таким образом жену, причиняет ей суффранс. На что мельник возразил, что с они с женою как-нибудь сами выяснят, промежду собою, кто чего причиняет и учиняет, и что дела семейные никого касаться не должны. И добавил, что Ака-Бяка, сирота несчастная, никакие семьи разрушать не собиралась и не собирается, а если принимает от него, мельника, подарки и гостинцы, то это еще не повод считать, что она блядища отпетая, а просто ей все завидуют и из зависти своей черной хотят девку несчастную уморить – так вот не бывать этому. И, ежели на то пошло, он ее, Аку-Бяку, в дом пустит как если бы она ему дочерью родной приходилась. Все посмотрели на жену мельника, а та, голову гордо подняв, сказала, что сама же это первая мельнику и предложила, и нет тут никаких поводов к зубоскальству.

По предположениям соседей, позже, дома, жена устроила мельнику очередной разнос, чтобы впредь думал, что говорит – она ему покажет пускать всяких шлюх в дом, что это еще за блажь такая, за такую блажь можно и какабусом по кумполу.

А потом появился в селении Шустрый, и как только окреп, помылся, приделся, стал столярничать и на людях показываться, так Ака-Бяка на него глаз и положила.

И стал сеновал свидетелем утех Аки-Бяки с басурманом. Завораживающе действовало на Аку-Бяку басурманово наречие: ни слова не понимала она из того, что он ей говорит, но волшебной музыкой звучала речь его, и ей казалось, что он ей рассказывает про дальние страны, где живут веселые и добрые зажиточные люди, про невиданные горы с сахарно-снежными шапками на вершинах и шумные леса, про теплые величественные реки, высокие терема с утепленными стенами и наружным выводом дыма, хороводы на цветастых лужайках, живописные узорчатые кареты, запряженные белыми скакунами цугом, бархат и атлас. И что непременно когда-нибудь он ее туда увезет и все это ей подетально покажет.

6. Свинина по-самсотосски

Где находится губернский город Шустрому объяснил Пацан, и спросил, зачем ему это нужно.

– Любопытный я, – сказал Шустрый. – Хочу посмотреть, что там к чему. Поедешь со мною?

– Мне позволено?

– Со мной позволено.

Утром привезли недельную почту, и Шустрый через Пацана объяснил Почтарю, что хочет посмотреть на город. Почтарь некоторые время разглядывал Шустрого, а затем пожал плечами и согласился. Более того, оказалось, что он даже знаком в немалой степени с наречием столяра, и может на наречии этом выражать некоторые свои мысли. Крестьяне часто снаряжали в город телеги – и продавать, и покупать ездили, но телега едва ползет, а Почтарь на легком своем шариоте с рессорами, фонариком слева и бубенчиками под дугой, ездил очень быстро, прохожие только и успевали в стороны шарахаться и ругаться с досады.

Пацана брать с собою Почтарь не хотел, но Шустрый сказал:

– Он меня сопровождает. Ничего не испортит и не ломает. Я за него отвечаю.

Почтарь странно посмотрел на Шустрого и ничего не сказал. Забрались в шариот и поехали.

До города добрались часа за два. Шустрый поблагодарил Почтаря и сказал, что в следующий раз непременно ему заплатит. Почтарь отмахнулся, забрался опять в свой шариот, кнутом щелкнул, и быстро уехал, звеня бубенцами.

Пацан порасспрашивал по настоянию Шустрого встречающих, выбирая тех, которые были одеты почище. Не все хотели отвечать, некоторые ругались и отмахивались, бабы прятали глаза и спешили мимо, но попался наконец человек, который не стеснялся и повел себя порядочно, и вскоре выяснилось, что ремесленники живут на двух примыкающих друг к другу пыльных ря.

Последние быстро отыскились. Из открытых дверей и окон соответствующего дома доносился грохот, скрежет, и характерное фить-xxx, фить-xxx – шум, производимый молотками, рашпилями, рубанками и пилами. По соседству имелась и кузня – не такая, как у Барыни в хозяйстве, кривая-косая, только гвозди для забора ковать, а основательная. Немного постояв перед домом, где обитали и работали столяры, Шустрый решил, что здесь и без него справляются.

Пацану решительно всё было интересно, он смотрел во все глаза, и особенно ему понравился вышедший на улицу глотнуть свежего воздуха столяр – в необычной одежде, сшитой как будто из одного куска материи, в фартуке и роскошных «городских» сапогах.

Шустрый потащил Пацана дальше. Улица уперлась в относительно широкую, местами мощёную, магистраль, с каменными домами, каретами, каменной церковью с высокой колокольней и золотым крестом, и красиво одетыми барами и барынями. У Пацана округлились глаза.

– Ты здесь никогда не бывал? – спросил Шустрый.

– Нет, никогда.

Они шли по магистрали, Шустрый держал Пацана за руку, чтобы тот не зазевался и не потерялся, и внимательно смотрел по сторонам. Показалось слева по ходу заведение – с вывеской, как положено, с небольшим столиком на улице для особо почетных гостей – по случаю теплой погоды. У входа стоял человек в безупречном фраке и высоком цилиндре, длинный, худой, с продолговатым лицом и темными с проседью волосами. Шустрый безошибочно определил, что это как раз и есть тот, кто ему нужен: Ресторатор. Он остановился на почтительном расстоянии и придержал Пацана.

– Спроси у него, нужны ли ему работники какие-нибудь. Починить, почистить, помыть. Ресторатор повернулся к ним и посмотрел непонимающе.

– Ваша милость, – начал было Пацан, но хозяин его перебил, обратясь напрямую к Шустрому:

– Простите, сударь, вы не из тех самых ли весей, которые в данный момент здесь не принято упоминать в беседе?

Сказал он это на наречии Шустрого. Не очень правильно, ломано, но отчетливо, и без иронии. Шустрый кивнул.

– Не смею надеяться, – сказал Ресторатор, наклоня голову влево. – Вы умеете готовить?

Шустрый слегка удивился, поправил одолженный у Старосты «выходной» сюртук, и ответил:

– Да, умею.

– Что именно вы умеете готовить? Вы южанин?

– Да.

– Ну так что ж?

Шустрый сообразил наконец, что Ресторатор – северо-восточный сосед. В голове возникло привычное с детства «везде успеют, сидели бы, суки, дома, жевали бы свою капусту, запивали пивом...», но он уже говорил:

– Утку блаузые, с опавными мирошами. Эскалоп сансуси фру-фру, цыпленка ургольского лизю, свинину по-самсотосски, гуся...

– Благодарю, спасибо, – сказал Ресторатор. – Вы ... хмм ... не могли бы ... продемонстрировать?

– Отчего ж, – сказал Шустрый, немного подумав. – Мог бы.

– Прямо сейчас?

– Можно и сейчас.

– А парнишка пускай на улице подождет.

– Нет, уж это лишнее, парнишка пойдет со мною.

– Ну, хорошо.

Они прошли внутрь заведения. Ресторатор объяснял:

– Повар мой заболел, или застрелился, я не знаю точно, но его уж третий день как нет. Посылали к нему домой, там никого. Поварята стараются, как могут, их у меня двое, я тоже стараюсь, но все по заготовкам, а заготовки кончились. Я растеряю клиентов. Свежие продукты только что привезли – хорошо ли будет, если они испортятся? Или мы их испортим, пробуя из них приготовить – ну, скажем, того же упомянутого вами цыпленка лизю? Шайсе! Цыплята первосортные, зелень тоже, а вот поди ж ты...

Никогда поварским искусством не занимался Шустрый профессионально, но готовить любил – по славным традициям городка и региона, в которых на свет выпростался. По большим праздникам мужчины женщин в кухню не пускали. И Шустрый считался хорошим поваром, с выдумкой.

На кухне оказалось чисто, просторно, вот только что не очень светло – окно под самым потолком, но это, амичи, не страшно, с мелочами свыкаешься. Один неумеха-поваренок сидел на стуле, подперев подбородок кулаком. Второй копошился в углу, переставляя с места на место утварь. Увидев Ресторатора, поварята вскочили и вытянулись – чувствовалась школа северо-восточных соседей, у них дисциплина всегда на первом месте.

– Вот новый повар, – сказал Ресторатор.

Поварята поклонились новому повару.

С уткой, понятное дело, любой деревенский тротель совладает – сельдерей, оньон, соль да перец, да шапелюр не скупясь – насадил на брошетт, водрузил над огнем, и знай себе поворачивай (Шустрый показал Пацану, как нужно поворачивать, и Пацан с энтузиазмом взялся

за эту работу, да так лихо, что его пришлось останавливать и объяснять, что вертеть нужно помедленнее и равномерно – это скучно, зато потом вкусно и не выпорют розгами). А вот хороший соус из средств подручных капабелен приготовить лишь жантийом вдумчивый и изобретательный, точных пропорций не знающий принципиально, а подбирающий ингредиенты, повинуюсь лишь наитию – то того добавить, то этого.

Знаменитые крутым нравом баски, естественные исторические враги всего прибрежного люда, готовят на палубах своих дурацких прогнивших посудин соусы, подходящие ко всему – хоть к рыбе, хоть к дичи – не от недостатка воображения, а от того, что жизнь басков, что на море, что на суше, полна событиями, требующими постоянного действенного участия, нет времени посидеть, подумать, поэкспериментировать. Люди же сухопутные веками пробуют, меняют что-то, добавляют, убирают, и много времени проводят в сравнительных раздумиях. Но, конечно же, добрый соус всегда начинается с редукции, без редукции никуда, это даже безмозглые баски знают!

Шустрый выбрал из ряда отполированных до ослепительного блеска какабусов средних размеров посудину с двумя ручками и бесцеремонно водрузил ее на треножник над горящими углями. Сверкнул прекрасный (отдадим должное северо-восточным соседям, они все делают на славу), бритвенной остроты, нож, и на деревянном шнайдебретте замелькали эстрагонная полынь, головки шалота, тот же сельдерей, томат, и неизвестно откуда взявшиеся в этих весях агаричи биспори. Все это полетело в какабус, и залилось белым вином, и сверху прикрылось топфдекёлем. Шустрый оставил щель, чтобы было куда выходить лишней отработанной влаге.

Затем стал он приглядываться: какие еще продукты имеются в хозяйстве? И обнаружил много интересного – и поросенка, и цыплят, и куропаток. Разного вида овощей были целые горы! Просоленная треска его озадачила. Он подозвал Ресторатора.

– Это откуда? – спросил Шустрый.

– Это треска.

– Я вижу, что треска, а взялась она откуда?

– Не понимаю.

– До ближайшего океана многие недели пути. Сама не приползла, а везти ее летом, когда тепло, на такие расстояния – это как же?

– Поставщик, похоже, сам их разводит, в садке. Я так предполагаю.

Шустрый не поверил, треску оставил в покое, и вернулся к приготовлению блюд из цыплят, куропаток, и поросенка. Можно было сделать рагу из зайца, подходящие приспособления имелись в наличии, но блюдо это, если его правильно готовить, требует двух, а то и трех дней заведомых действий, за три часа не упрaviшься.

Меж тем лишняя влага выпарилась из какабуса, а сам какабус, снятый с огня одним из поварят, успел остыть. Отделив желток от белка в дюжине яиц и погрузив их в керамическую кёсьроль, Шустрый добавил туда смору, и еще смору, и велел одному из запыхавшихся от приглядывания за четырьмя блюдами поварят мешать, пока смесь не превратиться в эмульсию. Все это затем вылили в какабус и вернули на раскаленные угли. Получившийся вскоре после этого, готовый к употреблению соус был подан на конце спатулы Ресторатору. Тот опешил и слегка отстранился – не привык к такому обращению. Северяне чопорны, южане проще.

– Попробуйте, – сказал Шустрый.

Ресторатор осторожно взял спатулу из рук Шустрого и попробовал. Глаза его увлажнились, рот растянулся в улыбку восхищенную. Аккуратно положив спатулу на дубовый стол, заставленный плошками, он взял Шустрого за плечи, придвинул к себе, и крепко обнял. Уж это было лишнее. Северо-восточные соседи, несмотря на чопорность, сентиментальны до неприличия.

Пацан был так поражен сценой, что перестал даже вертеть утку. Шустрый, не освободясь еще от объятий, махнул свободной рукой и сказал:

– Э! Э! Не прерывай процесс, жопа.

К открытию – трем часам пополудни – были готовы и утка, и дичь. Пацану выданы были рубаха, портки, и сапоги как у поварят, только меньше размером, а Шустрый получил в подарок от Ресторатора целый гардероб – и тут же облюбовал красивую вышитую рубаху, добротные панталоны, мягкие башмаки, и фартук, чтобы не запачкать пузо. Появились красиво, чуть вычурно, одетые первые посетители, последовали заказы, полилось охлажденное белое вино, и вскоре посыпались из зала восхищенные возгласы. И продолжились.

Ресторатор смекнул, что день-два, и по городу – в соответствии с малыми его размерами – разнесется слух о невиданных кушаньях в его заведении. Поварят было велено привести еще и своих братьев, можно даже троюродных, штуки по две каждый. Ближе к закату Шустрый снял фартук и объявил, что остальное поварята управятся разогреть и подать сами; а ему, Шустрому, следует заплатить за труды. Ресторатор, соединив тевтонские свои руки за спиной, встал перед Шустрым и сказал, что хочет нанять его на постоянной основе.

– Четыре дня в неделю, – сказал Шустрый. – В остальное время поварята пусть сами стараются, благо заготовки им будут предоставлены и метода разъяснена.

– Да, конечно, дорогой друг, – сразу согласился Ресторатор, а Шустрый мрачно улыбнулся фразе печально знакомой. – Я буду вам платить ... ну, скажем, четыре денария в неделю!

Шустрый не знал почти ничего о покупной способности местной валюты, но неожиданно Пацан пришел ему на помощь, встав рядом и сказав:

– Семь.

– Семь? – удивился Ресторатор. – Что – семь?

Пацан подтвердил:

– Семь денариев. И мне пятьдесят две унции с денежкой.

Ресторатор посмотрел на Шустрого, и Шустрый кивнул.

– Шесть, – сказал Ресторатор.

– Семь, – уперся Пацан, и Шустрый ему вторил:

– Семь. И пятьдесят две унции ему.

– С денежкой, – напомнил Пацан.

Ресторатор согласился.

– Деньги вперед, – заявил практичный Пацан.

Ресторатор и тут не возражал.

Его спросили о транспортных средствах. Оказалось, что за совсем небольшую мзду новый повар и его подопечный могут нанять гиг с нестарым еще, бодрым фердом, хозяин живет в четырех кварталах. Шустрый не ожидал, что все сложится так удачно в первую же поездку в город.

Глубоким вечером восхищенный Пацан рассказывал Полянке о приключениях дня, сыпя басурманскими словами. Полянка гладила разбухшее свое плодосодержащее пузо, мало что понимала, и выглядела растерянной. Не верить она не могла – гиг, запряженный фердом с недвольными глазами и подрезанным хвостом, стоял перед домом, Шустрый возился с упряжью и кормил ферда овсом из ведерка, которого ранее в хозяйстве не было.

С этого момента Полянка прониклась совершеннейшим к Шустрому благоговением. Демиург был для нее Шустрый, античный герой, умеющий всё, знающий всё, говорящий на красивом наречии, сам красивый до невозможности (это было не так, но таким он ей казался). Она гордилась тем, что он с нею живет, ласкает ее по ночам, говорит нежные слова, и даже готовит ей неслыханной вкусноты блюда раз от разу. И что за жизнь у других женщин, у которых нет своего Шустрого – морока, а не жизнь, тоска и скука. Букет ромашек, бусы, браслет, платье – заботливый Шустрый, предупредительный Шустрый, Шустрый-мечта. Не спит ли Полянка? Она носит под сердцем его ребенка – как ей повезло! Несказанно! Иным вечером, украдкой, когда Шустрый спал, уткнув рыжую свою щегольскую бородку в стену, вставала

Полянка, отходила в угол, и там тихо благодарила Всевышнего за то, что повстречался Шустрый ей на пути, и из всех женщин, которых мог выбрать – а выбрать он мог любую – выбрал для сожительства именно ее, Полянку!

Наверное я красивая, думала она с сомнением. Может он видит во мне такое, чего другим не разглядеть. А что? Грудь у меня очень даже ничего, хоть и отвислая. Ноги толстоваты и кривоваты, но когда я, например, лежу на спине, чуть приподняв одно колено, они кажутся привлекательными. Кожа у меня нежная. Пальцы красивые.

Пальцы у Полянки действительно были красивые, не испорченные еще работой и заботами.

Об отлучках Шустрого и Пацана в город вскоре прознал Староста, живший с женою и сыном на отшибе, отдельно от всех, ибо негоже старосте соседствовать с отребьем. И пришел Староста к Шустрому побеседовать о справедливости. Состояла она, справедливость, в том, что часть дохода следовало отдавать через Старосту в пользу барского сундука, ибо живет Шустрый на барской земле. Шустрый запротестовал было, но сметливый Пацан предупредил прения, предложив лично Старосте двадцать унций в неделю, если тот никому ничего не будет более говорить, а если заинтересовавшиеся поселяне вздумают болтать лишнее в присутствии вхожих к Барыне, их будут по приказу Старосты пороть нещадно. Староста почесал сперва под мышкой, потом в затылке, поморщился, да и согласился. Шустрый уловил суть дебатов, и спросил потом Пацана, из каких, собственно, фондов он, Пацан, собирается еженедельно подносить Старосте взятку, на что Пацан резонно ответил, что грех пополам, десять унций с него, Пацана, и десять же унций с Шустрого.

– Что будет, если узнает Барыня? – спросил Шустрый.

– Придется платить ей, больше. А пока она не узнала, будем платить Старосте, меньше.

Резон. Шустрый все же подумал, что не улавливает чего-то очень важного в отношениях хозяйки и ее батраков и работников.

Ну вот к примеру, он сам не батрак, не сезонный работник, в поле не ходит, а ремесленник – ему полагается плата за выполняемую столярную работу, сдельная ли, подневная ли, в конце каждой недели, чтобы поехать после посещения церкви в город и там выпить и погулять, как это принято, наверное, во всем мире. Но до сих пор еще ему ни разу не заплатили. Еда есть, крыша есть – а сколько за все это вычитают из его платы – и каких размеров плата, и когда она будет ему вручена – он не знал, а спрашивать опасался. Все-таки он не местный, со стороны пришел. Ну, может, когда сезонные работы кончатся и всех рассчитают, тогда, наверное, и ему заплатят, и можно будет опротестовать, если недодали – наверное так? Или не так? Он спрашивал об этом Пацана, но Пацан отвечал странно, не совсем понимал вопрос – в общем, не знал сам.

7. О браке

Полянка вошла в барский дом, голову повесив. Именем, данным ей при крещении, ее давно никто не называл. Полянка и Полянка, хотя ничего особенно коровьего в ней не было – уж и не помнил никто, почему именно ее так называли – видимо, что-то в детстве было такое, пошутил кто-то.

Барыня ждала ее в гостиной, сидя в кресле с кофейной чашкой в руке. Сквозь открытое окно, помимо света, в гостиную поступал волнами воздух, переполненный запахами деревенского утра, которые Барыня ненавидела, но терпела и не срывала недовольство свое на других, считая такое поведение ниже своего достоинства. Была она худая, энергичная женщина с большими глазами и темными с проседью волосами. Замуж вышла в столице, сына родила там же, но муж вдруг вбил себе в голову, что нужно пожить на родной земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.